

УДК 82.512.45

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ

Сеферова Ф. А.

*ГБОУВО РК КИПУ имени Февзи Якубова
Симферополь, Республика Крым, Российская Федерация
E-mail: fera-sef@ukr.net*

Статья рассматривает историю становления крымскотатарской литературной критики. Проанализированы первые существенные признаки формирования критики как самостоятельного вида литературного мышления, этапы развития, идейно-эстетические принципы. Установлено, что специфика крымскотатарской литературной критики определяется, прежде всего, процессом культурного развития, своеобразием национальной литературы; ей присущи ментальные процессы, особые формы осмысления мира, средства коммуникации. Особо следует отметить, что в тюркоязычной литературе средневековья суждения и мысли критического характера в соответствии с традицией классической литературы выражались чаще в поэтических жанрах художественных произведений.

Аналитическое чтение работ Э. Шемьи-заде, Ш. Алядина позволяет увидеть в них сквозь риторику социологических представлений советской эпохи отражение дальнейшего развития крымскотатарской литературной критики. Концептуальная часть литературно-критических статей литературоведа С. Нагаева представляет собой критику теории «бесконфликтности», согласно которой авторы зачастую были заняты конструированием псевдожизненных коллизий и подгонкой их под решение заранее поставленной проблемы. Ш. Селим стремится придать содержательное значение наблюдениям И. Гаспринского о роли концепции трёх составляющих критики: теоретического («тенкьидат-ы ильми»), исторического («тенкьидат-ы тарихие»), литературного («тенкьидат-ы эдебие»). Важным для сегодняшней науки являются размышления Д. Л. Азизова о теоретико-методологическом аспекте исследования истории романа и, в частности, такой его жанровой разновидности, как роман-«состояние». Наблюдения Д. Азизова о принципах комплексного анализа особой разновидности психологического романа, которую исследователи определяют как «роман-состояние», ждут дальнейшей детализации и углубленного изучения.

Ключевые слова: критика, национальная специфика, методология, анализ, роман, эстетика, поэтика.

ВВЕДЕНИЕ

Предпосылками возникновения интереса к истории становления крымскотатарской литературной критики явились колоссальные изменения в научном, философском, общественном сознании, происшедшие на рубеже веков и в начале XXI столетия. Немаловажную роль сыграли научные открытия, перевернувшие традиционные представления о специфике критики, о структуре критического текста. Перечисляя наиболее значительные достижения, назовём здесь фундаментальные труды, М. М. Бахтина, Р. Барта, Х. Г. Гадамера, Р. Громьяка,

В. Изера, Ю. М. Лотмана, В. П. Муромского [5; 6; 7; 10; 14; 16; 21; 25]. Теоретические основы новых исследований отражены в работах современных российских учёных С. Кормилова, Н. Раковской, Н. А. Сергуниной [18; 28; 31] и др. Обращает внимание и значительный рост количества монографических исследований по теме. Из последних отметили бы работы Е. А. Елиной, Т. Н. Марковой, А. В. Хрусталёвой, А. А. Садовникова [15; 23; 33; 31]. Особо следует отметить диссертационную работу А. В. Хрусталёвой «Методы русской литературной критики первой трети XX века».

Представленные в работе материалы говорят о том, что «исследование является собой одну из первых попыток преподнести период до 1932 года как некое преддверие соцреализма, когда ещё не сложился в законченном виде монизм официальной идеологии» [33, с. 3]. Представляет интерес и монография Е. А. Елиной, посвящённая анализу вербальных интерпретаций произведений изобразительного искусства: номинативно-коммуникативный аспект [15, с. 25]. Свой взгляд на литературную критику в рулнете высказывает и Н. А. Сергунина. «Литературную критику исследователи традиционно рассматривают как звено литературной коммуникативной системы, обращая при этом внимание на то, что критика сориентирована на публичность, поскольку важнейшая ее задача – воздействие на литературную и общественную жизнь, – пишет Н. А. Сергунина. – Иными словами, литературная критика тесно связана с политическими, идеологическими, социокультурными и экономическими процессами, протекающими в обществе. Отсюда та важная роль, которая отводится ей во взаимодействии с художником, с одной стороны, и с аудиторией – с другой» [31, с. 17].

В крымскотатарской литературоведческой науке выбранный нами аспект до настоящего времени не стал объектом монографических исследований. Из работ, лишь так или иначе касающихся отдельных аспектов темы, отметим исследования Э. Шемьи-заде, Ш. С. Алядина, Д. Л. Азизова, А. Фетислямова, И. А. Керимова С. Нагаева, Н. Р. Абдульвапова, Н. С. Сейтягьяева, Ш. Э. Юнусова [35; 4; 32; 17; 26; 1; 29; 36]. **Предметом** исследования является более полное изучение истории становления и формирования крымскотатарской литературной критики. **Объектом** изучения являются литературно-критические статьи, очерки, монографии,

публикации. **Цель** данной статьи – заполнить существующий пробел в крымскотатарском литературоведении, исследовав историю становления литературной критики, что, в свою очередь, откроет перспективы для анализа структуры критического текста.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Художественные и научные материалы средневековых авторов свидетельствуют о том, что суждения и мысли литературного характера, в соответствии с многовековой традицией классической литературы, выражались в основном в различных (чаще поэтических) жанрах художественных произведений. Так, Низами Гянджеви, утверждая ренессансный гуманизм в противовес средневековому мистицизму, писал: *«Если можно писать правду, зачем расходовать ложь?»* или *«От лживых речей цена слова убавилась, тот же, кто правдив, стал уважаемым»* (Хосрав и Ширин) [11, с. 158]. Абу Наср аль – Фараби, например, выдвигает методологическое положение, важное не только для того времени: *«Поэтическое слово представляет нашему воображению несуществующее – существующим»*. Продолжил эту мысль Абу Али ибн Сина: *«Стихотворение – это слово воображений»* [12, с. 99]. Крупнейший поэт тюркоязычной литературы XV века А. Навои в силу своего художественного гения новаторски освоил и развил литературные традиции, заложил основу художественной прозы. На примере таких научно-критических текстов, как «Маджолис ун-нафоис», «Мухокомат ул-лугатайн», «Рисолаи муаммо», «Тарихи анбиё ва хукамо», «Тарихи мулуки Аджам» и др., А. Навои сумел показать, как можно обогатить традиционный жанр средневековой антологической литературы благодаря объективной оценке творческого материала современных поэтов и писателей.

В средние века литературная критика с присущими ей эстетическими принципами уже показала себя действенной областью литературного творчества, активно влияющей на литературный процесс и жизнь общества. Так, исследователь Н. С. Сейтягъев в диссертационной работе, посвящённой анализу национальной исторической прозы, отмечает, что «уже в XV-XVIII в теоретической мысли на

первый план выдвигается проблема текста, в котором на разных уровнях проявляются авторские начала, ценностная ориентация персонажей, пейзаж, время, пространство и т.д.» [29, с. 120]. Не можем обойти вниманием и труды известного востоковеда И. Ю. Крачковского, так как он обращает внимание на то, что «эта литература интересна в целом, как показатель уровня духовной образованности в одной из мусульманских провинций» [19, с. 656]. Позднее на основе этой работы исследователь истории отечественной культуры О. В. Васильева особо подчеркнёт, что «этот уровень не был низким» [9, с. 42]. С последней четверти XIX в. появляются первые существенные признаки формирования крымскотатарской литературной критики как самостоятельного вида литературного мышления. В газете «Терджиман» публикуются статьи о методологии крымскотатарской литературы и литературной критики, отмечаются отдельные проблемы, анализируются произведения всех жанров. В этом аспекте большой научный интерес представляют работы «патриарха крымскотатарской письменности» (А. Крымский) И. Гаспринского «Вазиятни анълатув» («Объяснение ситуации»), «Шаркъ ве Гъарб» («Восток и Запад»). Представляет интерес и публикация И. Гаспринского в газете «Терджиман» за 7 января 1896 года. Автор, анализируя влияние восточного и западного культурного социума на формирование личности писателей, а также преломление крымских впечатлений в их произведениях, предлагает ориентацию на общественно-социальное значение критики: «Гёрюджи ве битарафана тенкъит гюнеш зиясыдыр, къарангъыйы дефъ этер, адий сёз иле гёрюльмез, сечильмез шейлери ашкяр идер» (*Подстрочный перевод*: «Критика – это всёвидящий, всюдупроникающий свет, сравнимый только со светом солнца; свет прогоняющий тьму, явления, предметы, скрытые тёмной завесой, делает открытыми, гласными» [13]). И. Гаспринский рассматривает критику как новый образ жизни, образ деятельности, при котором иными становятся способы мышления, способы интерпретации художественного текста. Этот закон и был впервые осознан и реализован в начале XX века. Его действие прослеживается в работах А. С. Айвазова, М. Недима, Б. Чобан-заде.

20-е годы XX века ознаменовались в буквальном смысле слова «литературно-критическим бумом». В это время в печати появляются исследования А. Гирайбая

«Къырым эдебиятына бир бакъыш» («Взгляд на крымскотатарскую литературу», 1926) и А. Ляtif-заде «Къырымтатар эдебиятынынъ сонъ девири акъкъында» («О крымскотатарской литературе новейшего периода», 1927), которые на протяжении нескольких лет изучали творчество крымскотатарских писателей. Согласно мнению А. Ляtif-заде, поэты 20-х разделились на «наших» и «ненаших», а поэзия А. Гирайбая отличается «узконациональным оттенком» [22, с. 34].

С конца 20-х годов литература, её соотношение с философией слова-образа стали предметом осмысления в публицистике. Подобно своему предшественнику И. Гаспринскому, А. С. Айвазов усматривал задачу литературы в том, чтобы по-новому описать мир, а для этого – кардинально обновить художественный язык и средства выражения: «Необходимо дать народу свет высокого знания, чтобы он мог различить истину от лжи, справедливость от насилия, пастуха от мясника, – пишет он. – И этот свет знания исходит не от солнца и луны, но от книг, от школ, от театра, большой инициативы и самопожертвования, от душевных мук и страданий, голосащих подобно стенаниям раненого льва, от света поэзии, являющейся голосом общего бедствия, от света произведений, которые показывают пути развития народов, достигших свободы и благополучия. Более действенного, более разумного служения Родине мы больше не видим» [2, с. 45]. Предметом детального осмысления в работах «Бизде шиир техникасы» («Техника стиха в нашей поэзии», 1926), «Меюс шаирлеримиз» («Наши обиженные поэты», 1928 г.) стали художественные стратегии и приёмы живописной техники в слове крымскотатарских поэтов, концепция человека в творчестве писателей. Автор подвергает резкой, но справедливой критике творчество молодых поэтов, сочиняющих «рифмованную бессмыслицу» («къафиели манасызлыкъ») [2, с. 45]. Тексты А. С. Айвазова изобилуют внутренним диалогом, полемической системой доказательств, посвящениями современникам – известным и малоизвестным писателям. Здесь же кратко излагаются эстетические положения, которые в дальнейшем нашли более широкое развитие в статьях М. Недима, В. Абилева, А. Ляtif-заде.

Авторитетная крымская периодическая печать «Енъи дюнъя» («Новый мир»), «Янъы Чолпан» («Новая Венера»), «Илери» («Вперёд») публикует аналитические

статьи М. Недима, посвящённые театральной хронике, тенденциям развития крымскотатарской драматургии: «Янъы бир адым» («Новый шаг», 1924 г., июнь 2), «Ненкеджан-ханым» (1926 г., октябрь 26), «Мусульман бюросы» («Мусульманское бюро» 1926 г., ноябрь 16), «Эки огюзле бир кыыз» («Девушка и два вола», 1927 г., февраль 15), а также литературному переводу «Эдебий терджимеджилик хакъкында бир къач сёз» («Несколько слов о литературном переводе», 1928), «Эдебий тилимизде къулланылгъан араб сёзлерининъ имлясы» («Правописание арабских слов, используемых в литературном языке») [27].

Важно отметить, что развитие литературно-критической мысли в конце 20-х и 30-х гг. XX века было резко конфликтным. Характерной чертой и литературы, и критики этого времени становится чувство ответственности за происходящее, ощущение активного участия в историческом процессе, жизни народа. Происходят процессы переосмысления историко-культурного, философского контекстов поэзии, прозы. Литературная критика начинает анализировать в последовательности их появления литературную продукцию своего времени, освещая литературный процесс в соответствии со своим назначением и уже оказывает на этот процесс заметное влияние. «Идейность», «содержательность» – требования, которые предъявляли искусству такие критики, как Б. Чобан-заде, А. Е. Крымский, А. Озенбашлы, Ф. Абдульхай и др. Если в послереволюционный период пользовались терминами «пролетарский реализм», «истинный реализм», «диалектический материализм» и др. (Дж. Гафар «Инкъилябдан сонъра нефис эдебиятта мувафакъиет ве нукъсанларымыз» («Наши успехи и ошибки в послереволюционной литературе», 1927), то в конце 20-х годов вполне осознанно, обоснованно начинают использовать термин «социалистический реализм», а также социально-политическую лексику («красное знамя», «серп и молот», «женщины Востока» и др.). «Поэтические открытия авторов, творивших в этот период, стали закономерным этапом развития этнонациональной словесности. Эти поиски синтезировались с жизнью народа, с богатым искусством фольклора, с культурой своего времени, – пишет исследователь Ш. Э. Юнусов. – Их творчество наполняло поэзию общечеловеческим содержанием, придавало их образным выражениям злободневный характер, который в творчестве

отдельных поэтов (Б. Чобан-заде, Ш. Бекторе, А. Гирайбай) обогащался традициями классической крымскотатарской лирики. Это оказало влияние на развитие крымскотатарской литературы» [36, с. 50]. К концу 30-х годов как итог достижений литературно-критической науки за минувшие два десятилетия появилось исследование Б. Чобан-заде «Новейший период крымскотатарской литературы» (1928). Работа явилась первым комплексным освещением истории крымскотатарской литературы и кардинальных принципов его поэтики. Размышляя о характере преемственности культурных традиций, исследователь приходит к выводу, что «...начавшаяся с издания газеты «Терджиман» («Переводчик», 1883) новая литература до 1905 года по содержанию, языку и форме пошла за Стамбулом» [34, с. 8]. Подчёркивая своеобразие крымскотатарской советской поэзии, автор акцентирует внимание на том, чтобы талантливые поэты не замыкались в рамках национальных традиций, а учились у восточных и русских авторов умению раскрывать образно-поэтическими средствами своё художественное видение мира. Отмечая близость современной поэзии фольклору, Б. Чобан-заде пишет, что: 1) некоторые поэты, подражая народным песням, копируют отдельные элементы, приёмы, поэтические формы фольклора. Однако, используя форму фольклора, поэт идёт по линии копирования; 2) незнание жизни мешает успешному овладению наиболее важными поэтическими жанрами, дальнейшее развитие которых позволит рассматривать современную крымскотатарскую поэзию в едином контексте советской литературы; 3) время, нужды нового общества требуют от художника более совершенной и действенно-эффективной формы, которой в национальной литературе закономерно станет пьеса, рассказ, роман, ибо проза требует аналитического чтения, психологического анализа; 4) крымскотатарские писатели отдают предпочтение не восточной, а западной литературе. Наблюдается интерес к русской литературе, литературным образам» [34, с. 103].

Б. Чобан-заде сопоставляет творчество крымскотатарских поэтов с поэзией мастеров из таких «тюрко-татарских республик, как Казахстан, Киргизия, Узбекистан и Дагестан. Любопытно, – комментирует далее исследователь, – что у всех этих поэтов мы наблюдаем следующие характерные черты: 1) с точки зрения

языка и техники они не сумели полностью отойти от языка и стиля народной литературы. Лишь порой они прибегают к абстрактным, общим выражениям; 2) они пишут поэмы, т.к. проза требует анализа и психологического подхода. Очень мало среди них пишущих романы, рассказы, пьесы; 3) все они полны восторженного рвения и вдохновения: они не замечают недостатков жизни, а видят только обнадеживающие положительные стороны её, и потому, какую бы печальную сторону нашей жизни они ни описывали, стихи их всегда заканчиваются романтической надеждой на счастье; 4) у них заметно больше тяготения к западной литературе, нежели к восточным поэтам. Некоторые же установили контакты с современными русскими писателями» [34, с. 29]. Представленные материалы говорят о том, что в работе использован компаративистский опыт в изучении вопроса о художественной традиции в литературе тюркских народов. Автор сравнивает восприятие действительности разными поэтами и прозаиками (З. Джавтобели и К. Джаманаклы; Э. Шемьи-заде и М. Нузет; У. Ипчи и А. Одабаш; Дж. Гафар и Дж. Сейдамет; Танабайлы; А. Ляtif-заде) и намечает дальнейшие пути развития методологии применительно к творчеству молодых поэтов и писателей.

В более поздней работе «Къырымтатар эдебиятында къурултайджылыкъ ве миллетчилик» («Курултайщина и национализм в крымскотатарской литературе») Б. Чобан-заде сосредоточивает внимание на «литературном национализме». Предметом осмысления становятся художественные стратегии и приёмы «второстепенных поэтов» А. Гирайбая, Ш. Бекторе и др., писателей, творчеству которых были присущи черты «пессимизма, смерти, угасания, неприятия революции». Согласно мнению исследователя Ш. Юнусова, «если в своём очерке «Новейший период крымскотатарской литературы» Б. Чобан-заде предстаёт перед нами как зрелый учёный-литературовед, то в статье «Къырымтатар эдебиятында къурултайджылыкъ ве миллетчилик» («Курултайщина и национализм в крымскотатарской литературе») трезвый подход изменяет автору. Объективности ради надо отметить, что эта работа была результатом политических нападков на учёного тех, кто безоглядно склонялся к приёмам вульгарного социологизма, рождённого государственными силовыми методами [36, с. 10]. Среди множества

статей и публикаций, посвящённых анализу национальной литературы, лидирующее положение занимает работа А. Е. Крымского «Литература крымских татар» (1930).

Автор немало внимания уделяет анализу творчества как писателей старшего поколения, так и мастеров слова послереволюционного периода. Отмечая достаточно широкий тематический и образный диапазон творчества У. Ипчи, называет его «многосторонним автором», «красным бардом». Анализируя творчество поэта А. Ляtif-заде, называет его «интимным поэтом – гедоником, воспевающим индивидуальные радости жизни». В новых исторических условиях XX века поэзия Б. Чобан-заде, З. Джавтобели, К. Джаманаклы, согласно мнению А. Е. Крымского, отражает весь комплекс душевных переживаний людей, связанный с проникновением в сферу повседневности новых знаний, естественнонаучных открытий [20, с. 67]. А. Е. Крымский подчёркивает, что поэтическая практика таких поэтов, как Ш. Бекторе, У. Ипчи, К. Джаманаклы, А. Ляtif-заде, представляет множество вариантов посвящений, приветствий, запечатлевших имена исторических деятелей, событий (У. Ипчи: *«Ленин не умрёт: Ибо осталась железная коммунистическая партия»*, (1924); К. Джаманаклы: *«Сущность его – благодеяние, В душе он – ленинец, Юноша-комсомолец бесстрашен, как лев!»*, 1925 и т.д.).

Особо следует отметить, что становление крымскотатарской литературной критики не проходило без трудностей, ошибок и заблуждений. С именем представителя пролеткульта Д. Сейдамета литературоведы связывают тот факт, что «писатель Джемиль Сейдамет, поддавшись влиянию вульгарного социологизма, в целом ряде статей излагал ошибочные взгляды на творчество писателей, поэтов, начавших творить до октябрьской революции». Например, в работе «Взгляд на литературу» («Эдебият саамызгъа бир назар») Д. Сейдамет выделяет в крымскотатарской литературе такие течения, как «джигитизм», «буржуазная литература периода голода» («ачлыкъ деври буржуазия эдебияты») и «деревенские поэты» («койлю шаирлер»). Автор статьи подчёркивает, что «этими течениями не исчерпываются все возможные и другие». Называя Б. Чобан-заде «символистом», а его очерк «Новейший период крымскотатарской литературы» («Къырымтатар эдебиятынынъ сонъ деври») – «карикатурой, лишённой научного подхода»,

Дж. Сейдамет высказывает методологически ценные мысли о зависимости развития литературы от «движения времени» [36, с. 14]. Отметим, что форма обобщения эстетических положений искусства в статьях, монографиях отдельных исследователей была довольно провокативной, нетрадиционной, воплощением жеста, поведенческого акта. В первую очередь это явление бросается в глаза в монографии А. Фетислямова «Эдебий тилимизнинь шекилленювинде шаир ве ызыджыларымызнынъ ролю» («Роль поэтов и писателей в формировании литературного языка», 1986), в которой представлено литературное творчество поэтов, творивших в первой трети XX столетия. Исследователь обнаруживает различные грани взаимодействия поэзии и живописи в творчестве У. Ипчи, К. Джаманаклы, З. Джавтобели и др. Подробно исследует этапы становления У. Ипчи как поэта, драматурга и приходит к выводу, что «лишь Умер Ипчи близок к норме крымскотатарского литературного языка» [32, с. 129].

В ряду источников становления литературно-критического наследия, позволяющих говорить о «контактных» связях, немаловажное значение имеют переводы на крымскотатарский язык отдельных трудов и статей В. Г. Белинского, Л. Н. Толстого, А. В. Луначарского, М. Горького, А. Фадеева и др. Их работы переводились, цитировались, входили в круг чтения и обсуждались. К началу 60-х годов относится одна из первых попыток теоретического осмысления проблем крымскотатарской фольклористики, предпринятая исследователем Р. И. Музафаровым. Многие положения, изложенные им в диссертационной работе «Очерки фольклора тюрков», не потеряли значения до настоящего времени. Таковы, в частности, заключения автора о соотношении истории и эпики, характера отражения реальной действительности в эпических памятниках, роли традиции в этом процессе, сказителя в эпическом творчестве. Р. Музафарову принадлежит одна из первых попыток систематизации жанров крымскотатарского фольклора. В работе рассматриваются русско-татарские фольклорные связи. Так, исследователь пишет: «Общность сказочного творчества обоих народов заметна и в области поэтики. Так, например, общими для русских и татарских сказок являются чудесные предметы:

молодые яблоки, ковёр-самолёт, волшебное кольцо, скатерть-самобранка и другие» [24, с. 19].

Из литературно-критических произведений, созданных в последней трети XX столетия, следует назвать работы известного крымскотатарского поэта, критика Э.Шемьи-заде «Омюр ве яратыджылык», («Жизнь и творчество», 1974), «Халкъ хызметинде» («На службе народу», 1977).

Знаменательным событием стало издание в 2000 году книги «Эдебий ве тенкъидий макъалелер» («Литературно-критические статьи», 2000), явившейся в определённой степени обобщением критического опыта Э. Шемьи-заде. В книге представлен анализ принципов построения образной системы газелей, кытъя, муамма, ферд, месневи и т.д. средневекового поэта Ашыка Умера, определена внутренняя динамика, эстетическая ценность лирических жанров. Отдельный раздел книги посвящён творчеству писателя конца XIX – начала XX столетия Мемета Нузета. Автор отмечает, что «реалистическая проза М. Нузета в большинстве своём представляла небольшие по объёму рассказы, стихотворения в прозе с ярко выраженной экзистенциальной проблематикой, исследованием нравственных, психических проявлений личности» [35, с. 37]. В главе, посвящённой творчеству Г. Токая, автор отмечает, что существенное влияние на развитие татарской поэзии оказал критический реализм, который по своей социальной основе был ближе к новому творческому методу. Виднейшими представителями ведущего направления татарской дореволюционной литературы были Г. Токай, М. Гафури, Ф. Амирхан и др. Их поэтическая практика по художественному уровню, проблематике, гуманистическому пафосу отвечала почти всем основным типологическим принципам реализма [35, с. 80].

Важно отметить, что литературно-критические статьи Э. Шемьи-заде представляют собой интерпретацию-полемику с предшественниками (М. Нузет, Г. Токай) и современниками (Ш. Селимов, С. Нагаев). Фактически на полемике построена статья «Яш къалем аркъадашларымызнынъ ширий яратыджылыклары акъкъында» («О поэтическом творчестве наших молодых мастеров пера»). Анализируя творчество Дж. Меджитовой, Э. Селямета, Ю. Темиркая и др. поэтов,

критик раскрывает как творческую индивидуальность каждого из них, так и общие тенденции развития литературы [35, с. 177]. Благодаря полемике с С. Нагаевым, Ш. Селимовым о стилистических ошибках и небрежности синтаксиса молодого поэта И. Абдурамана, преодолевается самозамкнутость единичной критической рефлексии, мнение критика о факте литературы вступает во взаимодействие с суждениями предшественников и современников (Черкез-Али, Р. Халид, Б. Мамбет, Ш. Алиев) и оказывается одним из них в многоголосье культуры.

В 1970-е – 1980-е годы выходит ряд исследований о фольклорно-литературном синтезе, жанре романа в системе эпических форм крымскотатарской прозы, творческой позиции писателя в свете изучения литературных связей [3; 4 26; 30]. Перечисляя наиболее значительные достижения, назовём здесь книги исследователя С. Нагаева «Яшлыкькъа хас дуйгьунен» («С юным задором», 1979), «Йылнамелердеки излер» («Следы в истории», 1979), «Роман ве заман» («Роман и время», 1980). Так, в работе «Яшлыкькъа хас дуйгьунен» автор, отмечая, что «в 70-е годы в крымскотатарской литературе изображению нравственных основ бытия стало уделяться значительно больше внимания, подчёркивает, что «подлинной идейной глубины многим произведениям не хватает» [26, с. 63].

Особого внимания заслуживает концепция С. Нагаева о влиянии фольклора на становление прозаических жанров. Так, в работе «Роман ве заман» С. Нагаев подчёркивает: «Меракълы ери шунда ки, халкъ агъыз яратыджылыгъындаки бир чокъ манелер, чынълар ве йырлар сонъунда эртеге ве дестанларныц догъургъан олса, язма эдебияттаки шиирлер, икяелер, повестьлер сонъунда несирнинъ буюк шекили – роман жанрынынъ инкишафына хызмет эттилер» (*Подстрочный перевод*: «Интересно, что именно эпические поэмы, народные лирические песни с помощью средств эстетической выразительности, присущей национальному, в данном случае крымскотатарскому языку, отражают состояние души, мир переживаний героя. В них веками сложились средства психологизма, от которых и тянется нить преемственности к психологизму литературной прозы») [26, с. 9]. Отмечая обновление жанрово-стилевой природы романа, С. Нагаев пишет, что «жанровый костяк» (по М. Бахтину) крымскотатарского романа (и, думается, не только

крымскотатарского) «ещё не затвердел», «это – вечно ищущий, вечно исследующий себя самого и пересматривающий все свои сложившиеся формы жанр» [26, с. 68]. Творческое развитие Ю. Болат, Р. Мурада, Ш. Алядина связано в этот период (1970–1980-е гг.) с углублением видения мира, поисками новых тем, которые отражают становление мировоззрения писателей-романистов, созвучного советской эпохе: «Мезкюр девирнинъ эдебияты, хусусан онынъ буюк шекили омюр акъикъатыны акс эттирювни теренлештирмеге тырышты. Несирде реализм къуветлешти, халкъ ве эдебият, языджы ве реаль барлыкъ арасындаки алякъа пейда олды» (*Подстрочный перевод*: «Хотя крымскотатарская проза формировалась в традиционных эпических жанрах, характеризовалась стремлением к реализму, в глубине её шёл сложный процесс взаимовлияний различных жанровых и стилевых начал») [26, с. 62].

С. Нагаев указывает на присущую почти всем произведениям 1970-х годов «заданность темы»: «Етмишинджи сенелери роман жанрынынъ талапларына толу джевап бермеген эсерлер пейда олды. Къараман проблемасы раманнынъ эсас чизгиси олып къалмакъта. Романларымыздаки зыддиетлер джиддий дегиль, фикир чатышмалары зайыф. Базы ерлерде исе сюжет бирлигине риает этильмей» (*Подстрочный перевод*: «Серьёзным недостатком многих романов является мелкотемье, заданность темы. Писатели зачастую заняты конструированием псевдожизненных коллизий и подгонкой их под решение заранее поставленной проблемы. Теперь уже всем очевидна антихудожественность подобного подхода к творчеству») [26, с. 67–68]. Рассматривая взаимодействие жанров, исследователь отмечает тяготение современной повести к роману (например, повести Дж. Гафара «Азманлар» («Трутни»), Ш. Алядина «Иблисининъ зияфетине давет» («Приглашение на пир к дьяволу»), эпизацию и других жанров прозы» [26, с. 63]. Представляет интерес и раздел исследования «Жанрынъ пишкинлешюви» («Зрелость жанра»), в котором осуществлён компаративистский опыт в изучении вопроса о крымскотатарской художественной традиции в прозе Рустем Али, Черкез Али, С. Эмина, Э. Амида. С. Нагаев сравнивает развитие национальных романских форм в системе жанров во взаимосвязи и взаимодействии с другими формами прозы.

С начала 80-х годов крымскотатарская литературная критика становится более действенной и главное – профессиональной. В работах «Юксек хызмет» («Высокая служба»), «Намус ве видждан иши» («Дело чести и совести»), «Къызыл чабакъ» («Красная заря») внимание Ш. Алядина концентрируется вокруг «стилевой пестроты» творческого процесса 80-х годов, качественных изменений в новой лирике, выражающихся в бесконечном обогащении форм лирической поэзии. В статье «Къызыл чабакъ» («Красная заря», 1983) речь идёт о характере творчества поэта Э. Шемьи-заде, об особенностях психологизма, о творческой активности фольклора в поэзии Э. Шемьи-заде. По убеждению автора, отдельные поэтические тексты Э. Шемьи-заде демонстрируют обилие сравнений, перифразов. Таким представляется уподобление человеческой жизни водопаду Учан-Сув в стихотворении «Арзу», где дано философское осмысление быстротечности жизни. Неоднократно отмечается яркая художественная система поэта, открытая для диалога с другими культурами, её сильная связь с русской классикой – А. Пушкиным, С. Есениным, В. Маяковским: *«Шунынъчюн табиат ашыкъы – Пушкиндай, Аюв-Дагъ къырында джырламакъ истеймен»* (Подстрочный перевод: «Я как Пушкин, в природу влюблённый, мечтаю воспеть красоту Аюв-Дага») [35, с. 11]. В работе «Эвеля бедий къабилиет» («Прежде всего художественный талант») автор, полемизируя с требованиями “полезности” критики в толковании проблем литературы и искусства, подчёркивает, что довоенная литературная критика страдала описательством, пересказом, заменяющим анализ художественного произведения: *«Дженктен эвельки тенкъидий макъалелернинъ эксериси назарий джеэттен заиф, дженктен сонъ газетамызда сийрек-серпек пейда олгъан макъалелерде исе эсерлер сыдыргъы макътанылмакъта. Яхшы олсун, яман олсун – фаркъы ёкъ. Бизде профессиональ тенкъидчи ёкъ. Бу яхшы ал дегиль. Лякин керек олса, эр бир акъыкъий яzydжы акъыкъий тенкъидчи ола биле. О себептен, яzydжыларымыз озъ меслекдашларынынъ эсерлери хусусында озълерининъ адалетли фикирлерини язып турмакъ керек деп биллем. Бойле, амелиятнынъ профессиональ тенкъидчи хызметинден семерели экени эпимизге малюм»* – дей яzydжы (Подстрочный перевод: «Несмотря на сложившуюся фактоистическую базу, современная

литературная продукция с точки зрения критики не исследована, у нас нет профессиональных критиков. Разработка теоретических проблем облегчит процесс развития и усвоения творческого опыта виднейших писателей, критиков молодым поколением. Современная критика должна изжить тенденции оправдания слабости художественных произведений актуальностью темы и новизной жизненного материала») [4, с. 125]. Перечисляя наиболее значительные достижения, назовём здесь книгу исследователя С. Арифова «Юрек давушы» («Голос сердца», 1987), включающую как аналитические статьи, так и воспоминания о писателях их современников. Предметом детального осмысления стали художественные стратегии и приёмы в творчестве Э. Амита, Э. Умерова, Черкез-Али, Р. Фазыла и Л. Софу, А. Ислямова и др.

90-е годы ознаменовались активным изданием и переизданием художественных, литературно-критических текстов, мемуаров и т. д. Именно в это время переиздаются на крымскотатарском и русском языках книги И. Гаспринского, Б. Чобан-заде, А. С. Айвазова, А. Герайбая, А. Озенбашлы, А. Ляtif-заде, Ш. Бекторе, Э. Шемьизаде, Ш. Алядина, К. Джаманаклы и др.

Возвращаясь к публикациям, касающимся истории становления литературной критики, нельзя не отметить исследования Д. Л. Азизова. В статье «Бедий талиль принципери Назарие меселелери» («Принципы художественного анализа. Теоретические вопросы», 1990) отразились некоторые аспекты полемики 90-х годов о принципах, методике комплексного анализа художественного произведения. Важным для сегодняшней науки являются размышления автора о теоретико-методологическом аспекте исследования истории психологического романа и, в частности, такой его жанровой разновидности, как «роман-состояние», в котором происходит последовательное перемещение внимания с внешнего мира на внутренний мир, в сферу сознания и подсознания. «Этот жанр способствовал углублению психологизма, многомерности искусства изображения внутренней жизни человека в его обусловленности с социально-историческими факторами, – пишет учёный. – Уже в первых образцах психологический роман, благодаря особому положению в его структуре образа автора-повествователя – героя рассказчика, т.е.

благодаря субъективизированной повествовательной конструкции, объективно содействовал синтезу национально-фольклорных поэтических и повествовательных традиций с традициями русской и западноевропейской литератур [3, с. 122–126].

Показательно, что именно в конце 90-годов XX века стало активно осмысливаться литературно-критическое творчество И. Гаспринского, А. С. Айвазова, Б. Чобан-заде, А. Озенбашлы и др. Свидетельство тому – множество статей и монографий об этом движении. Среди них лидирующее положение занимают работы И. А. Керимова, Н. Р. Абдульвапова, Н. С. Сеитягъева, Ш. Э. Юнусова, А. А. Джемилевой, Т. Б. Усеинова и др. Важным этапом стало появление исследований И. А. Керимова «Медений эснас: 1920–1938 сс.» («Культурное достояние», 1997), «Теренлик»: Эдебий библиографик очерк» («Глубина»: Литературно-библиографический очерк, 1988), «XIX асырнынъ сонъу ве XX асырнынъ башында къырымтатар бедий сёзюнинъ эврими» («Эволюция художественного слова», 1998). Автор предлагает обширный историко-публицистический фон событий конца XIX – начала XX вв., раскрывая особенности развития крымскотатарской прозы, поэзии; в монографии также сделан акцент на гуманистическом звучании творчества А. Герайбая, У. Ипчи, А. Ильмий, Дж. Сейдамета и др. Так, автор пишет: «Введение в художественную литературу новых, ранее не встречавшихся форм или изобразительных средств считалось творческим подвигом. Кроме того, совершенствование, обновление существовавших, традиционных форм или изобразительных средств также имело огромное значение для развития литературы» [17, с. 118]. В начале XXI века крымскотатарскому читателю и исследователю становятся доступными не только архивные первоисточники, биографические и художественные материалы, но и сохранившийся до этого времени в фондах библиотек Турции, Германии, Швейцарии солидный опыт изучения литературно-критического наследия. В 2001 году в печати появляется и книга Р. Фазыла, С. Нагаева, которые на протяжении многих лет изучали творчество писателей, «Къырымтатар эдебиятынынъ тарихы» («История крымскотатарской литературы», 2001). Книга традиционно представляет взору читателя краткий биографический материал, подкреплённый ограниченным в объёме

текстологическим материалом. Следует отметить, что авторы ограничили и себя, и читателя исключительно рамками фактического, событийного ряда, исключая из своей сферы интерпретацию творчества писателей.

Новое прочтение И. Гаспринского, истолкование его критических суждений сквозь призму мировой критики представляют работы И. Паши «Эпик жанр ве земане аят» («Эпический жанр и современная жизнь», 2002), Б. Мамбета «Шириет дюньясына ынтыламыз биз» («Наше стремление в мир поэзии», 2002), Ш. Селима «Къырымтатар эдебиятышынаслыгъы: шимдики вазияти ве келеджеги» («Крымскотатарское литературоведение: настоящее состояние и будущее», 2003). Так, Ш. Селим, отмечая различные проявления лженауки, порождённые сложностями развития и отсутствия идейно выверенных критериев оценки научных и художественных произведений, стремится придать содержательное значение наблюдениям И. Гаспринского о роли концепции трёх составляющих критики: научного («тенкъидат-ы ильмие»), исторического («тенкъидат-ы тарихие»), литературного («тенкъидат-ы эдебие») [30, с. 41]. Особо следует отметить, что диалогичность литературно-критической статьи Ш. Селима позволяет создать различные ситуации. Во-первых, читатель наделяется маской молчаливого собеседника – собирательного читателя, диалог с ним уподобляется монологической речи с вкраплениями стилизованных фигур («эмоциональная напряжённость, образный гиперболизм, динамизм, тяготение к контрастам, употребление разнообразных повторов» и т.д.). Присутствие читателя осуществляется введением цитат, цель которых – отразить эмотивное (М. Бахтин) состояние автора статьи. Согласно мнению М. М. Бахтина, «в статье, где приводятся чужие высказывания по данному вопросу различных авторов, одни для опровержения, другие – наоборот, для подтверждения и дополнения, перед нами случай диалогического взаимоотношения между значимыми словами в пределах одного контекста. Отношения согласия-несогласия, утверждения-дополнения, вопроса-ответа и т.п. чисто диалогические отношения, притом, конечно, не между словами, предложениями или иными элементами одного высказывания, а между целыми высказываниями» [7, с. 218]. Во-вторых, «двух лиц беседующих» как равных: «...Если вы, мой читатель, вместе со

мною внимательно просмотрите книги, учебники по истории крымскотатарской литературы, увидевшие свет в последние годы»... или «Конечно, наш брат Тимур ещё молод... » [30, с. 6–7]. Такие явления были характерны для литературной критики начала XXI в., так как выбор точки зрения моделируемого читателя был не менее значим, чем выбор текста для анализа и часто связывался с временными конфликтами и отношениями.

В настоящее время наметилась тенденция широкого изучения литературно-критического наследия в контексте европейского, о чём свидетельствуют симпозиумы, конференции, коллективные сборники. Суждения и мысли критического характера мы наблюдаем в работах исследователей И. А. Керимова, Н. Р. Абдульвапова, Ш. Э. Юнусова, А. А. Джемилевой, Н. К. Эмирусейновой, а также современных писателей: И. Абдурамана, А. Велиева, У. Эдемовой и др. Однако литературная критика с присущими ей идейно-эстетическими принципами не показывает себя действенной областью литературного творчества, активно влияющей на литературный процесс и жизнь общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей статье на материале критических статей о литературных явлениях эпохи представлены история становления, основные идейные направления в литературно-критической мысли. Перспективным направлением дальнейшего исследования является анализ социокультурных аспектов, а также коммуникативно-рецептивных факторов современной модели крымскотатарской литературной критики.

Список литературы

1. Абдульвапов, Н. Р. Суфизм и крымская поэзия дивана [Текст] / Н. Р. Абдульвапов // Учёные записки ТНУ им. В. И. Вернадского Том 26 (65). ч. 1 Филология. Социальные коммуникации. – 2013. – №1. – С. 231–240.
2. Айвазов, А. С. Бизде шиир техникасы [Текст] / А. С. Айвазов // Илери. – 1926. – №4. – С. 44–47.
3. Азизов, Д. Л. Бедий талиль принципери [Текст] / Д. Л. Азизов // Ыылдыз. – 1990. – №2. – С. 122–126.

4. Алядин, Ш. С. Къзыл чабакъ [Текст] / Ш. С. Алядин // Ылдыз. 1986. – №1. – С. 120–26.
5. Барт, Р. Удовольствие от текста [Текст] / Р. Барт // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М., 1994. – С. 462–516.
6. Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи [Текст] / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1986. – 543 с.
7. Бахтин, М. М. Проблемы речевых жанров [Текст] / Бахтин М. М. – Собр. соч.: В VII т. – Т. V. – М., 1996. – С. 159–287.
8. Брюховецкий, В. С. Специфика и функции литературно-критической деятельности [Текст] / В. С. Брюховецкий, 1986.
9. Васильева, О. В. Крымскотатарские рукописные материалы в Отделе рукописей [Текст] / О. В. Васильева // Восточный сборник. 1993. – №5. – С. 42.
10. Гадамер, Х. - Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики [Текст] / Х. - Г. Гадамер. – М., 1998.
11. Гаджиев, А. А. О своеобразии восточного ренессансного движения [Текст] / А. А. Гаджиев / Фольклор, литература и история: Материалы III Всесоюзной тюркологической конференции. Ташкент, Изд-во "ФАН" Узбекской ССР. 1984. – С. 155–161.
12. Ганиева, С. Основные принципы изучения прозы Навои [Текст] / С. Ганиева // Фольклор, литература и история: Материалы III Всесоюзной тюркологической конференции. Ташкент, Изд-во "ФАН" Узбекской ССР. – 1984. – С. 98–101.
13. Гаспринский, И. Россия и Восток [Текст] / И. Гаспринский. Отв. за выпуск Р. Багаутдинов. – Казань: Татарское книжное издательство, 1993. – 132 с.
14. Громяк, Р. История украинской литературной критики (от начала до конца XIX ст) [Текст] / Р. Громяк. – Тернополь, 1999.
15. Елина, Е. А. Вербальные интерпретации произведений изобразительного искусства: номинативно-коммуникативный аспект [Текст]: Монография / Е. А. Елина. – Саратов, 2002. – 256 с.
16. Изер, В. Процесс чтения, феноменологическое сближение. Антология мировой литературно-критической мысли XXст. [Текст] / В. Изер. – Львов, 2002. – С. 349–368.
17. Керимов, И. А. Теренлик [Текст] / И. А. Керимов. – Т., Изд.им. Г. Гуляма, 1988. – 144 с.
18. Кормилов, С. И. Нерешённые проблемы современного литературоведения [Текст] / С. И. Кормилов // Вестник МГУ. – 2001. – №6. – С. 349–368.
19. Крачковский, И. Ю. Отчёт о командировке в Крым летом 1924г. [Текст] / И. Ю. Крачковский // Известия АН. – 1924. – Сер.6. – Т.18. – Ч.2. – №18. – С. 662–670.
20. Крымский, А. Е. Литература крымских татар [Текст] / А. Е. Крымский. – Доля. Симферополь, 2003. – 200 с.
21. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста [Текст] / Ю. М. Лотман – М., 1970.
22. Лятиф-заде, А. Къырымтатар эдебиятынынъ сонъ деври акъкъында [Текст] / А. Лятиф-заде // Илери. – 1927. – №4–5. – С. 29–44.
23. Маркова, Т. Н. Современная проза: конструкция и смысл [Текст] / В. Маканин, Л. Петрушевская, В. Пелевин. – Изд-во Моск. гос. обл. ун-та, 2003. – 268 с.
24. Музаффаров, Р. И. Очерки фольклора тюрок [Текст]: Автореф. дисс. на соискание учёной ст. докт. филол. наук. / Р. И. Музаффаров. – Мелекский государственный пединститут, 1965. – 44 с.
25. Муромский, В. П. Русская советская литературная критика. Вопросы теории, истории, методологии [Текст] / В. П. Муромский. – Л., 1985. – 148 с.
26. Нагаев, С. Ыылнамелердеки излер Къырымтатар эдебияты акъкъында этюдлар [Текст] / С. Нагаев. – Ташкент: Изд.им.Г. Гуляма. – 1991. – 304 с.
27. Недим, М. Тюрк-татар тили [Текст] / М Недим // Илери. – 1927. – №2. – С. 82–86.

28. Раковская, Н. М. Структура критического текста: диалог позиций [Текст] / Н. М. Раковская // Культура народов Причерноморья. – 2006. – №92. – С. 39–42.
29. Сейтягъев, Н. С. Крымскотатарская историческая проза XV – XVIII вв. [Текст] / Н. С. Сейтягъев. – Монография Симферополь: КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2009. – 204 с.
30. Селим, Ш. Къырымтатар эдебиятшынаслыгъы: шимдики вазияти ве келеджеги [Текст] / Ш. Селим // Ылдыз. – 2003. – №3. – С.4–29.
31. Сергунина, Н. А. Литературная критика в рулинете как звено коммуникативной системы: автор – текст – аудитория (теория вопроса) [Текст]: Дисс. канд. филол. наук: 10.01.10. / Н. А. Сергунина. – Воронеж, 2006. – 172 с.
32. Фетислямов, А. Эдебий тилимизнинъ шекилленювине шаир ве языджыларымызнынъ ролю [Текст] / А. Фетислямов // Ылдыз. – 1986. – №5. – С. 126–129.
33. Хрусталёва А. В. Методы русской литературной критики первой трети XX века [Текст] : Автореферат дисс. докт. филол. наук: 10.01.01. / А. В. Хрусталёва. – Саратов, 2018. – 45 с.
34. Чобан-заде, Б. Новейший период крымскотатарской литературы [Текст] / Б. Чобан-заде. – Симферополь, 1928. – 102 с.
35. Шемъи-заде, Э. Омюр ве яратыджылыкъ [Текст] / Э. Шемъи-заде. – Изд.им.Г.Гуляма. – Ташкент, 1974. – 148 с.
36. Юнусов, Ш. Э. Крымскотатарская поэзия 20-х годов XX века [Текст] / Ш. Э. Юнусов. – Доля: – Симферополь, 2004. – 168 с.

References

1. Abdul'vavov N. R. *Sufizm i krymskaya poeziya divana* [Sufism and Crimean Divan Poetry]. Uchyonye zapiski TNU im. V.I. Vernadskogo, 2013, Tom 26 (65), no 1, pp. 231–240.
2. Ajvazov A. S. *Bizde shiir tekhnikasy* [The Technique of Verse in our Poetry], 1926, no 4, pp. 44–47.
3. Azizov D. L. *Bediij talil' principi* [Principles of Artistic Analysis], 1990, no 2, pp.122–126.
4. Alyadin SH. S. *K"yzyl chabak"* [Red Dawn]. Jyldyz, 1986, no 1, pp.120–126.
5. Bart R. *Udovol'stvie ot teksta* [The Pleasure of the Text]. R. Bart. Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika, 1994, pp.462–516.
6. Bahtin M. M. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary and Critical Articles]. Hudozhestvennaya literature, 1986, 543 p.
7. Bahtin M. M. *Problemy rechevyh zhanrov* [Problems of Speech Genres]. 1996, pp. 159–287.
8. Bryuhoveckij V. S. *Specifika i funkcii literaturno-kriticheskoy deyatel'nosti* [The Specifics and Functions of Literary-Critical Activity] 1986.
9. Vasil'eva O. V. *Krymskotatarskie rukopisnye materialy v Otdel rukopisej* [Crimean Tatar Handwritten Materials in the Department of Manuscripts]. Vostochnyj sbornik, 1993, no 5, p. 42.
10. Gadamer H. – G. *Istina i metod. Osnovy filosofskoj germenевtiki* [Truth and Method. Fundamentals of Philosophical Hermeneutics], 1998.
11. Gadzhiev A. A. *O svoeobrazii vostochnogo renessansnogo dvizheniya* [About the Peculiarity of the Eastern Renaissance Movement]/A. A. Gadzhiev / *Fol'klor, literatura i istoriya: Materialy III Vsesoyuznoj tyurkologicheskoy konferencii* [Folklore, Literature and History: Materials of the III All-Union Turkological Conference]. 1984, pp. 155–161.
12. Ganieva S. *Osnovnye principy izucheniya prozy Navoi* [Basic Principles of Studying Navoi Prose] /S. Ganieva /*Fol'klor, literatura i istoriya: Materialy III Vsesoyuznoj tyurkologicheskoy konferencii*. [Folklore, Literature and History: Materials of the III All-Union Turkological Conference]. 1984, pp. 98–101.

13. Gasprinskij I. *Rossiya i Vostok* [Russia and the East]. 1993, 132 p.
14. Gromyak R. *Istoriya ukrainskoj literaturnoj kritiki (ot nachala do konca XIX st)* [The History of Ukrainian Literary Criticism (From the Beginning to the End of the XIX century)], 1999.
15. Elina E. A. *Verbal'nye interpretacii proizvedenij izobrazitel'nogo iskusstva: nominativno-kommunikativnyj aspekt* [Verbal Interpretations of Works of Fine Art: Nominative-Communicative Aspect] Monografiya. Saratov, 2002, 256 p.
16. Izer V. *Process chitaniya, fenomenologicheskoe sblizhenie // Antologiya mirovoj literaturno-kriticheskoy mysli XXst.* [The Process of Reading, Phenomenological Convergence // Anthology of World Literary and Critical Thought XXst.]. L'vov, 2002, pp. 349 – 368.
17. Kerimov I. A. *Terenlik* [Depth], 1988, 144 p.
18. Kormilov S. I. *Nereshyonnye problemy sovremennogo literaturovedeniya* [Unsolved Problems of Modern Literary Criticism]. Vestnik MGU, 2001, no 6, pp. 349–368.
19. Krachkovskij I. YU. *Otchyot o komandirovke v Krym letom 1924g.* [Report on a Business Trip to Crimea in the Summer]. Izvestiya, 1924, no 18, pp. 662–670.
20. Krymskij A. E. *Literatura krymskih tatar* [Literature of the Crimean Tatars]. Simferopol, 2003, 200 p.
21. Lotman YU. M. *Struktura hudozhestvennogo teksta.* [The Structure of a Literary Text], 1970.
22. Lyatif-zade A. *Kyrymtatar edebiyatynyn son devri akkynda* [About the Literature of Modern Times]. 1927, no 4–5, pp. 29–44.
23. Markova T. N. *Sovremennaya proza: konstrukciya i smysl* [Modern Prose: Construction and Meaning] (V. Makanin, L. Petrushevskaya, V. Pelevin): Monografiya, 2003, 268 p.
24. Muzaffarov R. I. *Ocherki fol'klora tyurkov* [Essays on Turkic Folklore]. Avtoreferat diss. na soiskanie uchyonoy stepeni dokt. filol. Nauk. 1965, 44 p.
25. Muromskij V. P. *Russkaya sovetskaya literaturnaya kritika. Voprosy teorii, istorii, metodologii* [Russian Soviet literary Criticism. Questions of Theory, History, Methodology.]. 1985, 148 p.
26. Nagaev S. *Jylnamelerdeki izler Kyrymtatar edebiyaty akkynda etyudlar* [Traces in History. Sketches about Crimean Tatar Literature]. Tashkent, 1991, 304 p.
27. Nedim M. *Tyurk-tatar tili* [The Turkic-Tatar Language]. 1927, no 2, pp. 82–86.
28. Rakovskaya N. M. *Struktura kriticheskogo teksta:* [The Structure of the Critical Text: a Dialogue of Positions]. Kul'tura narodov Prichernomor'ya, 2006, no 92, pp. 39–42.
29. Sejtyag"yaev N. S. *Krymskotatarskaya istoricheskaya proza* [Crimean Tatar Historical Prose XV - XVIII centuries]. Simferopol, 2009, 204 p.
30. Selim SH. *Kyrymtatar edebiyatshynaslygy: shimdiki vazieti ve keledzhegi* [Crimean Tatar Literary Studies: Current State and Future]. Jyldyz, 2003, no 3, pp. 4–29.
31. Sergunina N. A. *Literaturnaya kritika v rulinete kak zveno kommunikativnoj sistemy: avtor – tekst – auditoriya (teoriya voprosa)* [Literary Criticism in the Rulinet as a Link of the Communicative System: Author – Text – Audience Theory of the Question]. Voronezh, 2006.
32. Fetislyamov A. *Edebij tilimiznin shekillenyuvine shair ve yazdzhylarymyznyn rolyu* [The Role of Poets and Writers in the Formation of the Literary Language]. Jyldyz, 1986, no 5, pp. 126–129.
33. Hrustalyova A. V. *Metody russkoj literaturnoj kritiki pervoj treti XX veka* [Methods of Russian Literary Criticism of the First Third of the Twentieth Century]. Saratov, 2018.
34. CHoban-zade B. *Novejsij period krymskotatarskoj literatury* [The Newest Period of Crimean Tatar Literature], Simferopol, 1928, 102 p.
35. SHem'i-zade E. *Omyur ve yaratydzhlyk* [Life and Work]. Tashkent, 1974, p. 148.
36. YUnusov SH. E. *Krymskotatarskaya poeziya 20-h godov XX veka* [Crimean Tatar Poetry of the 20s of the Twentieth Century], Simferopol, 2004, 168 p.

THE HISTORY OF THE FORMATION OF CRIMEAN TATAR LITERARY CRITICISM

Seferova F. A.

This article examines the history of the formation of Crimean Tatar literary criticism. The first essential signs of the formation of criticism as an independent type of literary thinking, stages of development, ideological and aesthetic principles are analyzed. It is established that the specificity of Crimean Tatar literary criticism is determined, first of all, by the process of cultural development, the originality of national literature; it is characterized by mental processes, special forms of understanding the world, means of communication. It should be particularly noted that in the Turkic literature of the Middle Ages, judgments and thoughts of a critical nature in accordance with the tradition of classical literature were expressed more often in poetic genres of works of art.

An analytical reading of the works of E. Shemy-zadeh, Sh. Alyadin allows us to see in them through the rhetoric of sociological representations of the Soviet era a reflection of the further development of Crimean Tatar literary criticism. The conceptual part of the literary-critical articles of the literary critic S. Nagaev is a criticism of the theory of "conflict-free", according to which the authors were often busy constructing pseudo-life collisions and fitting them to the solution of a pre-proposed problem. Sh. Selim seeks to give meaningful meaning to the observations of I. Gasprinsky about the role of the concept of three components of criticism: theoretical ("tenk'idat-y ilmie"), historical ("tenk'idat-y tarihiye"), literary ("tenk'idat-y edebie"). Important for today's science are D. L. Azizov's reflections on the theoretical and methodological aspect of the study of the history of the novel and, in particular, such a genre variety as the novel-"state". Observations of D. Azizova on the principles of complex analysis of a special kind of psychological novel, which researchers define as a "novel-state", are waiting for further details and in-depth study.

Keywords: criticism, national specifics, methodology, analysis, novel, aesthetics, poetics.